

**«ВОТ КАБИНЕТ...»
К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ
ДОМА-МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА В с. МИХАЙЛОВСКОМ***

Для всякого литературного музея главным разделом экспозиции является кабинет писателя, сохранившийся или воссозданный с опорой, прежде всего, на документальные источники. В нашем случае речь пойдет о воссоздании в 1949 году михайловского мемориального кабинета А. С. Пушкина. Настоящая работа предпринята с целью уточнения и дополнения, в том числе за счет архивных документов, сведений об истории экспозиции Дома-музея в с. Михайловском, о роли картины Н. Н. Ге как опорного источника при создании мемориального кабинета А. С. Пушкина и судьбе этого произведения как музейного экспоната.

Ключевые слова: Михайловское, Дом-музей, экспозиция, экспонат, мемориальный, кабинет, А. С. Пушкин, Н. Н. Ге, картина.

I. Y. Parchevskaya

**«HERE IS THE STUDY...»
ABOUT HISTORY OF THE LITERARY AND MEMORIAL EXPOSITION
OF THE HOUSE-MUSEUM OF ALEXANDER PUSHKIN IN IKHAILOVSKOYE**

For every literary museum the main section of the exposition is the study of a writer preserved or reconstructed relying primarily on documentary sources. In our case we focus on the restoration of the Mikhailovskoye memorial study of A. S. Pushkin in 1949. The present work was initiated to clarify and complete the history of the exposition of the house-museum in Mikhailovskoye relying on archival documents. The article also specifies the role of N. N. Ge painting as the main source in the process of creating the memorial study of Alexander Pushkin and its destiny as a museum object.

Key words: Mikhailovskoye, House-Museum, exposition, a museum object, memorial, study, A. S. Pushkin, N. N. Ge, painting.

Сюда ожалуйте, за мною.

Вот это барский кабинет...

А. С. Пушкин. Евгений Онегин.

Глава седьмая, стр. XVIII.

Заходите, пожалуйста. Это

Стол поэта. Кушетка поэта...

Д. Самойлов. Дом-музей.

Для всякого литературного музея главным разделом экспозиции является кабинет писателя, сохранившийся или воссозданный с опорой, прежде всего, на до-

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук № 14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

кументальные источники. В нашем случае речь пойдет о воссоздании в 1949 году михайловского мемориального кабинета А. С. Пушкина — заметим, биографически *первого* в череде пушкинских кабинетов. Этот важнейший этап послевоенного музейного строительства обозначен, кажется, во всех путеводителях по Пушкинскому Заповеднику, отражен в популярной литературе, но специальных исследований, ему посвященных, явно недостает. Из публикаций, связанных с этой темой, сошлемся (в хронологическом порядке) на газетную статью Э. Ф. Карловой «"Пушкин в Михайловском". Картина художника Н. Н. Ге» [10], нашу работу «Концепция реэкспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском» [14] и статью бывшего хранителя музея-усадьбы «Михайловское» В. В. Герасимовой «Кабинет поэта в доме-музее А. С. Пушкина в с. Михайловском» [5], на новом этапе музейной истории обобщившей основные источники и обозначившей принципы организации пушкинского кабинета в мемориальном плане. Отметим также научную монографию Г. П. Сергеевой [25], основанную на анализе экспозиционной системы Пушкинского Заповедника. Настоящая работа предпринята с целью уточнения и дополнения, в том числе с помощью архивных документов и учетных документов музейных фондов, сведений об истории экспозиции Дома-музея в с. Михайловском, о роли картины Н. Н. Ге как опорного источника при создании мемориального кабинета А. С. Пушкина и судьбе самого этого произведения как музейного экспоната.

Бытовая неприязнательность поэта отмечалась многими мемуаристами и как характерная особенность подчеркивалась его первым биографом П. А. Анненковым [1, с. 125]. Характерный пример. Весной 1831 года Пушкин вел переговоры с П. А. Плетневым о найме дома в Царском Селе, чтобы провести с молодой женой лето и, главное, «*осень* (выделено в тексте. — И. П.) <...> в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей» [22, с. 158]. На вопрос приятеля о желательном количестве комнат Пушкин тогда ответил: «<...> Был бы особый кабинет — а прочее мне все равно» [22, с. 163].

В черновике стихотворения «Вновь я посетил...» (1835), сохранившего, в частности, следы творческой работы над образом няни, подспудно возникает и образ дома с неопределенным количеством и назначением комнат — за исключением одной, главной. Прочитаем варианты строк в той последовательности, как они даются в академическом собрании сочинений Пушкина [21, с. 997–998]. Нами выделены строки основного чернового варианта:

Вот ветхий (мирный) домик —
Где жил я, с моею бедной няней —
Где жил я, с няней старою своею —
Где жил я, с бедной няне<ю > своею —
Уже старушки нет — уж я не слышу
Старушки нет уже — я не услышу
Ее рассказов
Уже старушки нет — уж не услышу
По комнатам ее шагов тяжелых
Ее шагов тяжелых и роптанья
Ее шагов тяжелых и ворчанья
Ее шагов тяжелых за дверями

отека, различные бытовые вещи и проч., имеющие историко-музейное значение и носящие мемориальный характер, как предметы обстановки, связанные с памятью Великого русского поэта» [15, л. 17]. Общий ущерб, причиненный Пушкинскому Заповеднику, оценивался в 22353000 рублей [15, л. 18]. В Заключении к Акту обследования Пушкинского Заповедника, составленном комиссией под председательством архитектора А. В. Щусева и при участии, в том числе, и о. директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко, от 31 мая 1945 года, говорилось: «Комиссия находит необходимым: 1/ Срочно восстановить церковь XVI века в монастыре (с колокольной) <...>. 2/ Восстановить Дом А. С. Пушкина и домик няни, для чего составить проекты и сметы по обмерам с натуры» [15, л. 23]. Так начались первоочередные восстановительные работы в Святогорском монастыре, где покоится святая святых — прах А. С. Пушкина, и в Михайловском. К июню 1947-го (это был год 25-летия Пушкинского Заповедника) предполагалось возродить «Домик няни», открыть в нём первую послевоенную экспозицию. Одновременно разрабатывались документы по экспозиции Дома-музея А. С. Пушкина. В Тематическом задании, составленном директором Заповедника С. С. Гейченко и его заместителем по научной части А. М. Гординым (июль 1946 г.), приводится наименование комнат будущего музея [15, л. 63], а в описании говорится: «Комната № 6. (Кабинет Пушкина). Экспонируется как мемориальная комната, со средоточением в ней подлинных вещей и репродукций с них. Дополнительными материалами для восстановления Кабинета Пушкина служит картина художника Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в селе Михайловском (1875 г.). **Картина эта не является точным воспроизведением обстановки кабинета Пушкина, но основана на достоверных данных и материалах, собранных художником** (здесь и далее выделено нами. — И. П.)» [15, л. 66].

В Докладной записке от 3 февраля 1947 года на имя дирекции Института литературы АН СССР С. С. Гейченко сообщает: «Проект внутренней отделки комнат лишь частично воспроизводит облик того, что было при Пушкине. Наименование же и назначение комнат воспроизводится точно: Передняя, комната няни (она же девичья), гостиная (позже она станет именоваться «Спальня / Комната родителей». — И. П.), зал<а>, столовая с выходом на балкон (здесь описка: выход на балкон предусмотрен из зала. — И. П.), кабинет поэта <...>» [15, л. 128].

Далее — абзац, впервые и не совсем верно опубликованный В. В. Герасимовой [5, с. 237]: «Восстановить исторически точно внутренний вид всех комнат — невозможно, так как для этого у нас нет точных сведений. Исключение составляет кабинет А. С. Пушкина. Эта комната, воспроизведенная в 1875 году художником Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в селе Михайловском» — будет отделана и экспонирована, как мемориальная комната <...>. **Хотя картина худ. Ге не является точной реконструкцией обстановки кабинета Пушкина, она всё же основана на достоверных данных и матерьялах, кропотливо собранных художником.** Кроме того, интерьер этой комнаты подробнее других описан современниками» [15, л. 128].

При сравнении двух выделенных фрагментов становится заметным вполне обоснованное стремление одного из авторов будущей экспозиции, а именно С. С. Гейченко, поставить картину известного художника в один ряд с мемуарными свидетельствами современников, придать ей вес документального источника. Сравним с тем, что писал директор Пушкинского заповедника в июне того же года, информируя общественность: «Восстановить исторически точно внутренний вид всех комнат не-

мыслимо, так как для этого нет необходимых документальных данных. Исключение составляет кабинет А. С. Пушкина. **Эта комната, воспроизведенная художником Н. Н. Ге** в картине «Пушкин и Пущин в селе Михайловском», сосредоточила все сохранившиеся пушкинские реликвии» [3]. И — год спустя: «Кабинет Пушкина восстанавливается как мемориальная комната. В нем будут сосредоточены немногие личные вещи поэта, а также археологически точные копии с предметов, принадлежавших Пушкину и некогда находившиеся в Михайловском — рабочее кресло, книжная полка, письменный стол» [4]. Здесь картина Ге не упоминается, но явно предполагается.

Позже Э. Ф. Карлова (Лобанова), много лет возглавлявшая методическую службу Пушкинского Заповедника, опубликовала газетную статью об истории картины, где, опираясь на воспоминания брата художника, проводит ту же мысль о «кропотливо собранных художником» [15, л. 128] материалах: «К работе над картиной художник приступил в 1874 году, для чего предпринял поездку в село Михайловское. Он был очень огорчен, когда нашел дом Пушкина неузнаваемо переменившимся, так что знакомство с бывшим устройством и обстановкой дома поэта вышло для художника делом чрезвычайно трудным. Но Николай Николаевич нашел там нить, по которой и добрался до всего, что было нужно». Нить эта привела его к А. П. Керн, гостившей с дочерью в ту пору в Тригорском. «И вот Николай Николаевич увидел, во-первых, у госпожи Керн домоустройство и домоубранство 20-х годов, во-вторых, ему обстоятельно рассказали, что и как изменено в михайловском доме и познакомили его с приемами былой там жизни поэта. Николай Николаевич видел и некоторые вещи из мебели, из обстановки, бывшей у Пушкина. Одним словом <...> получил полную возможность точнейшего воспроизведения в своей картине беседы Пушкина с Пущиным у себя в Михайловском». Недостающие предметы мебели и убранства (стол, кресла, ширму, лампу) художник нашел у петербургских знакомых Костычевых, а печка «писана с той, которую он видел в квартире у своего родственника П. П. Забелло на Васильевском острове в Петербурге» [10].

Несмотря на все усилия художника успеха картина не имела. Особенно досталось образу поэта, над которым художник работал очень тщательно. Критика писала, что «Пушкин вышел холоден и незначителен», что «во многих частностях картина хромает. Лицо Пушкина без всякого выражения» [10]. Поэт Дм. Минаев сочинил по этому поводу два язвительных четверостишия:

Перед картиной «Пущин в гостях у Пушкина в Михайловском» Н. Ге

Была к картине публика допущена
И напрягала глаз,
Но всё-таки до Пушкина, до Пущина
Она не добралась.

Смотрю — и, будто раздраженный,
Поэт из рам заговорил:
«Художник-варвар кистью сонной
Меня в картине искажил» [13].

От критики работе Н. Н. Ге достается до сих пор. Современный биограф художника в популярном издании пишет: «В картине <...> много всякого и нет главного. Три фигуры разделены вещами, которые существуют сами по себе и не служат лю-

дям. Вещи требуют пристального разглядывания; поначалу же кажется, что холст пустоват, не заполнен, что фигуры требовало бы сдвинуть поближе, а то они как-то разбросаны среди вещей по слишком просторной комнате. <...> **Историк, возможно, отметит полную достоверность каждого предмета, перенесенного на полотно.** Но историческая картина — не выставка предметов той или иной эпохи» [20, с. 182]. Историк (музейный работник) отметил. И то, что считается художественным недостатком произведения, оказало важнейшую услугу создателям мемориального кабинета в Михайловском. В свое время Пушкин — благодаря «Запискам» своего лицейского друга И. И. Пушина, записи в Дневнике А. Н. Вульфа, хоть и противоречивым, но искренним воспоминаниям тригорских соседей, благодаря увиденному глазами Татьяны кабинету Онегина и драгоценной строчке из «19 октября» («Пылай, камин, в моей пустынной келье...») [5, с. 230–232] — «помог» художнику посильно решить его задачу. Теперь художник «помогал» — в совокупности с музейными средствами — возродить утраченный образ главной комнаты Дома Поэта.

Автора картины, от неудачи впавшего в творческий кризис, несомненно, утешил бы тот факт, что в истории пушкинского музея в Михайловском она сыграла значительную и такую разнообразную роль. Увеличенная копия [12, с. 25] с уменьшенной авторской копии (так! — И. П.), утраченная во время войны, экспонировалась в Доме-музее А. С. Пушкина еще в 1937 году. А. М. Гордин, заместитель директора Пушкинского Заповедника по научной части в 1939–1940 и 1945–1949 гг., автор многих книг о Заповеднике, в издании 1939 года писал: «Известная картина Н. Н. Ге (копия) напоминает об одном из лучших эпизодов жизни поэта в первые месяцы ссылки — о посещении его лицейским товарищем И. И. Пушиным». И делал сноску: «Следует отметить, что изображение комнаты на картине не точно и расходится с цитированными выше описаниями. Объясняется это тем, что Ге в 1875 г. видел уже не дом поэта, а дом его сына» [7, с. 193]. Ровно 70 лет спустя эту версию, смягчив формулировку, поддержал праправнук поэта Г. А. Галин: «Любопытно отметить, что **кабинет** в новом доме Григория Александровича **послужил фоном** для художника Н. Н. Ге при написании им в 1875 году картины «Пушин в гостях у Пушкина в Михайловском» [2, с. 137]. Гордин всегда придерживался строгой позиции по отношению к картине Ге как опорному источнику при воссоздании мемориального кабинета Пушкина. И все-таки не мог не отдать ей должное. В академическом издании путеводителя «Пушкинский Заповедник» (по словам автора, особо им ценимом) о музее 1949 года сказано: «**Сделана попытка** воспроизвести михайловский кабинет Пушкина. Учтены приведенные выше описания, воспоминания современников и, **частично**, известная картина Н. Н. Ге, 1875 г. **Такой** небольшой, но светлой комнатой, с зеленовато-серыми гладкими штофными обоями, дубовым полом, белым камином, и **можно себе представить** кабинет Пушкина. **Так же** стояло в нём несколько стульев, кресел, столиков, книжный шкаф, простой письменный стол с книгами, рукописями, незамысловатым чернильным прибором и подсвечниками. **Так же** висели книжная полка, два-три любимых портрета» [8, с. 199–200]. Путеводитель той поры дает ясное представление сегодняшнему посетителю, как выглядел музейный кабинет Пушкина 1949 года: «Здесь представлены мемориальные вещи, принадлежавшие Пушкину: бильярд (костяные шары и кий), подножная скамеечка, железная трость; вещи из Тригорского: часы на камине, чернильный прибор, подсвечники; точные копии с вещей, принадлежавших Пушкину и находившиеся в его кабинете: два кресла,

книжная полка. Остальное — вещи эпохи. Книги тех изданий, которые читал поэт в Михайловском» [8, с. 200]. Любопытное примечание, подчеркивающее особую роль мемориального кабинета и отражающее понятия той эпохи, содержится в следующем абзаце: «В остальных комнатах развернута **музейная экспозиция**» [8, с. 200].

Статья Э. Ф. Карловой была опубликована в газете «Пушкинский край» к 152-й годовщине ссылки А. С. Пушкина в Михайловское и в связи со 125-летию со дня рождения Н. Н. Ге. Рядом публикация тогдашнего главного хранителя музейных фондов В. Я. Шпинева, также посвященная Ге. Надо сказать, что в те годы выступления сотрудников Пушкинского Заповедника в местной и региональной прессе часто имели значение новостного события, приравнивались к научным сообщениям. Так, небольшая заметка В. Я. Шпинева содержала не только известные по другим источникам сведения о художнике, который «был лучшим портретистом 2-й половины XIX века» [26]. Ценность ее не только в принципиальном утверждении: «Стиль его работы — тщательная отделка деталей, основанная на изучении старины, проникновение в дух эпохи, глубина психологической характеристики. Это особенно чувствуется в картине «Пушкин в Михайловском» [26]. Заметка пишется ради следующей информации: «В доме-музее Пушкина находится копия с этой картины, но в музейном фонде Пушкинского заповедника хранятся две вещи, к которым прикасалась рука художника. Одна из них — небольшая картина маслом, иллюстрация к «Руслану и Людмиле», вторая — фотография с картины «Пушкин в Михайловском» с собственноручной надписью автора: «... Поэта дом опальный, о Пущин мой, ты первый посетил. Анне Николаевне Энгельгардт от Николая Ге. 1875. СП<б>». Эта фотография, которую художник подарил одной из своих знакомых, через 100 лет оказалась в селе Михайловском» [26].

На самом деле — чуть меньше: согласно учетным документам музейных фондов оригинальная фотография с картины Ге и автографом художника, сделанным на картонном паспарту орешковыми чернилами, зарегистрированная под № ПЗ-КП-1279, поступила из Гос. Лит. Музея в 1963 году. И этот экспонат фотонегатива представляет несомненный историко-культурный интерес. Примечательно, что фотокопию своей работы (Галин ошибочно называет ее «авторская копия» [2, с. 157]) Н. Н. Ге подарил и последнему хозяину Михайловского, с дарственной надписью: «Г. А. Пушкину от Н. Ге. 1875 г.» [23, с. 91]. Позже сын поэта поместил ее памятной комнате дома в имении жены Маркучяй, куда они переехали после продажи Михайловского. Здесь, в Литературном музее А. С. Пушкина (Вильнюс), она экспонируется и ныне в числе других меморий [23].

Иллюстрация Ге к поэме «Руслан и Людмила» находилась долгое время в экспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в Михайловском, сопровождая раздел «Пушкин в Петербурге в 1817–1820 гг.» [16, л. 9]. В 1966 году ее переместили в экспозицию «Домика няни» [18]. Затем вернули в фонды. А вот главная для нас работа Н. Н. Ге продолжала участвовать в тематических разделах экспозиции Дома-музея вплоть до конца 1990-х гг. Саму картину прямо с Четвертой петербургской выставки 1875 года выкупил Н. А. Некрасов; сегодня она экспонируется в Харьковском художественном музее. В 1893 году Ге сделал с нее уменьшенную копию, которая в настоящее время находится в экспозиции Музея-квартиры Н. А. Некрасова в Петербурге. В 1948 году сотрудник Эрмитажа, художник В. Л. Бреннерт по заказу Пушкинского Заповедника изготовил с нее увеличенную (83x110 см) копию (возможно, подобную той, что на-

ходила в довоенной экспозиции), поступившую из ИРЛИ и внесенную в Книгу поступлений под инв. № ПЗ-КП-166. Позже переведена в Научно-вспомогательный фонд под № 2372. Место ее в 1949 году было в разделе экспозиции, посвященном Пушкину и Арине Родионовне [16, л. 14], но уже в начале 1950-х она вновь иллюстрирует встречи опального поэта с лицейскими друзьями [8, с. 203; 9; 17]. В 1960-м году известный в музейном мире копиист Н. П. Нератова сделала для Дома-музея в с. Михайловском новую копию с работы Ге 1893 года, в точном соответствии размерам оригинала (42x80 см, инв. № ПЗ-НВФ-2140). С 1966 года новая копия, сменив работу В. Бреннерта, находилась в экспозиции «Комнаты родителей». В 1991 году ее перенесли в «Переднюю», на восточную стену, отделяющую вводную часть экспозиции от «Кабинета» [19]. Теперь сюжет картины служил одновременно иллюстрацией к экскурсионному рассказу о приезде Ивана Пущина, сопровождал переход в «Комнату няни» и напоминал о конечной, кульминационной точке музейного маршрута. Наконец, в 2000 году, после юбилейной реконструкции 1998–1999 гг. и обновления экспозиции Дома-музея А. С. Пушкина, ей определили место во флигеле б. Колонии для престарелых литераторов, в тематическом разделе экспозиции «Судьба сельца Михайловского. 1899–1949 гг.», посвященном летописцу эпохи 1911–1918 гг. В. В. Тимофеевой-Починковской. Раздел под названием «Воспоминание о Колонии» воссоздает образ первого, по сути, хранителя михайловской усадьбы, и здесь копия с картины Ге служит одновременно украшением интерьера и отсылает посетителя к той эпохе, когда у человека, рожденного в середине XIX века, формировался свой образ Пушкина. Вместе с тем сюжет картины продолжает нести привычную смысловую нагрузку и оставаться «**хрестоматийной основой** при воссоздании музея-кабинета как в 1911 г., так и в последующие времена» [11, с. 99]. Ср. у Г. П. Сергеевой: «Кульминационная точка экспозиции — кабинет-келья <...>. О приезде Пущина наминает вся обстановка кабинета, **традиционно воссоздающаяся** с опорой на известную картину Н. Ге» [25, с. 63–64].

Сравнительно недавно в Интернете обнаружилась ссылка на еще одну любопытную версию, связанную с картиной Ге. Ее озвучил литовский исследователь Римантас Сидеравичюс: якобы в Михайловском «Григорий Александрович обустроил кабинет отца, некоторыми деталями напоминающий “кабинет Онегина”, где и хранились вещи Пушкина, его книги. По сути дела, это был первый мемориальный уголок, увековечивающий память поэта. Именно этот интерьер и запечатлен на известной картине Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в Михайловском», созданной в 1875 г. Версия Г. А. Пушкина отцовского кабинета безоговорочно принята музейными работниками: сравнивая снимки нынешнего кабинета с картиной, не заметите никакой разницы <...>» [24]. Здесь не только очевидно стремление к окончательной «реабилитации» Г. А. Пушкина, подвергнутого в свое время упрекам в пренебрежении памятью отца, но и угадывается своеобразный эффект обратного влияния — музейного произведения на художественный первоисточник. За десятилетия образ михайловского кабинета так убедительно запечатлелся в сознании поколений, что представляется не только незыблемым, но и единственно возможным. И, пожалуй, сегодня не кажется удивительным, что в оформлении обложки современного исторического романа, посвященного годам михайловской ссылки поэта, известного писателя Бориса Голлера [6] используется фотография фрагмента экспозиции «Кабинета Пушкина» в Доме-музее сельца Михайловского.

Литература

1. Анненков П. А. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984.
2. Галин Г. А. Дети и внуки Пушкина. М.: Новый индекс, 2009.
3. Гейченко С. Реставрация Пушкинского заповедника // Псковская правда, 8 июня 1947 г.
4. Гейченко С. Пушкинский заповедник восстанавливается // Пушкинский колхозник, 6 июня 1948 г.
5. Герасимова В. В. Кабинет поэта в доме-музее А. С. Пушкина в с. Михайловском // Михайловская пушкиниана. Вып. 37: Материалы чтений памяти С. С. Гейченко 2004 и 2005 гг. Пушкинские Горы — Москва, 2005. С. 230–237.
6. Голлер Б. А. Возвращение в Михайловское: Роман. Книги Первая и Вторая. СПб.: Алетейя, 2009.
7. Гордин А. М. Пушкин в Михайловском: Литературные экскурсии. Л., ЛО: Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939.
8. Гордин А. М. Пушкинский заповедник. М. - Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
9. Гордин А. М. Пушкинский заповедник. М.: Госиздат «Искусство», 1956.
10. Карлова Э. Ф. «Пушкин в Михайловском». Картина художника Н. Н. Ге // Пушкинский край, 21 августа 1976 г.
11. Лобанова Э. Ф. Судьба сельца Михайловского в 1899–1949 гг. (из истории Заповедника): Методические разработки экскурсии по флигелю бывшей Колонии престарелых литераторов // Михайловская пушкиниана: Сб. статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 10–11. М., 2000. С. 97–101.
12. Ломан О. По пушкинским местам / Под ред. В. З. Голубева. Калинин: Пролетарская правда, 1937.
13. Минаев Д. Перед картиной «Пушин в гостях у Пушкина в Михайловском» Н. Ге. [Электронный ресурс]: URL: // <http://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/ka3/ka321671.htm>
14. Парчевская И. Ю. Концепция реэкспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском // Михайловская пушкиниана: Сб. статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 10–11. М., 2000. С. 15–54.
15. ПЗ н/а. № 40.
16. ПЗ н/а. № 94.
17. ПЗ н/а. № 156, л. 36.
18. ПЗ н/а. № 662, л. 21.
19. ПЗ н/а. № 2035, л. 25.
20. Порудоминский В. Николай Ге. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2000.
21. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-и т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 3.
22. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-и т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 16.
23. Русаков В. М. Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Сельцо Михайловское. Псков, 2009.
24. Сидеравичюс Р. Библиотека Г. А. и В. А. Пушкиных в Маркучяй (Некоторые аспекты судьбы книг А. С. Пушкина). [Электронный ресурс]: URL: // <http://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/ka3/ka321671.htm>
25. Сергеева Г. П. Циклы и цикличность в музейной экспозиции: Монография // Михайловская пушкиниана. Вып. 22. Пушкинские Горы — Москва, 2002.
26. Шпинева В. С автографом художника // Пушкинский край, 21 августа 1976 г.